

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ХУП в.
(некоторые общие вопросы)

Процесс преодоления феодальной раздробленности и конфессиональной разобщенности Тибета завершился к середине ХУП в., когда монголы оккупировали Тибет и подавили сопротивление установлению гегемонии секты Гелуг-па ("Желтошапочная"). Это вызвало у Гелуг-па стремление к систематизации, канонизации и широкому распространению собственного вероучения в качестве общегосударственного мировоззрения и сделало ее общетибетским литературным центром.

Тибетский литературный язык в это время продолжает оставаться языком письменных памятников, установившимся в основных своих чертах в предшествующий период (более всего, в ХІV–ХУІ вв.). Этот язык в первую очередь – язык религиозно-философской литературы, которая создается теперь, чаще всего, в среде секты Гелуг-па. Письменный литературный язык все более усложняется, так как увеличивается количество слов, теряющих свое конкретное значение и передающих абстрактно-отвлеченные понятия, которые тесно связаны с буддийской символикой. Усложняется и синтаксис (увеличивается длина фраз, которые все чаще вступают в сложно-подчиненные связи). Стиль изложения по сравнению с ХІІІ–ХУІ вв. более риторически "приподнят", больше оснащается почти стандартизированной системой образов, сравнений, эпитетов, популярных афоризмов, цитатами из основополагающих трактатов, в значительной мере входящих в буддийский канон. В литературе ХУП в. несколько усиливается индивидуальность речи, но различия между авторскими стилями выражены все еще слабее, чем различия стилей отдельных жанров, т.е. стилевые различия имеют главным образом жанровый характер. Это связано с общим уровнем развития тибетской литературы.

Человек, как и раньше, характеризуется только теми "деяниями", которые помогают ему вступить на "путь освобождения от страданий". Его идеальный, статичный образ – назидательный пример для подражания. Чувства человека, его внутренний мир – не объект литературы. Отсутствует и пейзаж. Таким образом, тибетская литература продолжает оставаться литературой средневековой, преимущественно – религиозно-дидактической.

Религиозно-философская литература создается теперь сравнительно узким кругом авторов, большая часть которых принадлежала к секте Гелуг-па. Крупнейшим писателем из числа тех, кто не входил в Гелуг-па, был Кунга Ньинг-по или Таранатха (род. в 1575 г.). Он изучал тантрические учения и комментировал сочинения этого круга (например, Калачакра-тантру со всеми ее ответвлениями), проповедуя традиции использования в практике буддийской литургии тантрического "достижения совершенства и освобождения от страданий" с помощью магических заклинаний. Он объяснял, например, значение и смысл литургического символизма и показывал, как различные варианты магических изображений и звуков заклинаний способствуют постижению разных вариантов истины, т.е. разнообразных путей к "освобождению от страданий".

Если Таранатха более всего был увлечен экзегезой эзотерических разделов буддийского учения, то наиболее известные писатели Гелуг-па (1-й Панчен-лама, 1570-1662; 5-й Далай-лама, 1617-1682; 1-й Джанджа-хутухта, 1642-1714; 1-й Джамджан-шадпа, 1648-1722; 2-й Панчен-лама, 1663-1737) в целях содействия укреплению идеологических позиций своей секты изучали и пропагандировали учение о "ступенях совершенствования на пути освобождения от страданий" (лам-рим), составляющее важнейшую часть эзотерического раздела теоретического багажа Гелуг-па. Главным в деле "освобождения от страданий" Гелуг-па считала "святые деяния", не отрицая и большой роли мистических обрядов и заклинаний.

Композиция религиозно-философских трактатов XVII в., отличаясь значительной стройностью, последовательностью построения, связана с композицией комментируемых сочинений, многие из которых входят в буддийский канон.

Благодаря широкому распространению переводной буддийской литературы и религиозного образования (некоторые тексты из канона заучивались наизусть), явно усиливается влияние языка религиозно-философских трактатов на язык письменности.

Исторические сочинения в XVII в. создавались почти исключительно крупными деятелями и писателями Гелуг-па, которые названы выше. Основное место в исторической литературе занимают "истории буддизма", комментирующие развитие буддийского учения с точки зрения Гелуг-па и объявляющие ее интерпретацию махаянского буддизма наиболее истинной. Во второй половине XVII в. появляются

сочинения, посвященные истории уже одной Гелуг-па, деятельность которой описывается в апологетических, высокопарно-риторических тонах.

Политической истории Тибета посвятил свою "Историю царских родословных" (1643 г.) 5-й Далай-лама. Композиционный стержень повествования - родословная царей и царских династий Тибета, которая по традиции возводится к царским династиям Северной Индии. Изложение кончается на событиях, очевидцем которых был автор. Он недвусмысленно провозглашает справедливыми и законными претензии Гелуг-па на оформляющуюся гегемонию. Кроме того, 5-й Далай-лама одобряет помощь монгольских войск, которые, по его мнению, помогли устранить анархию и междуусобную борьбу (подчас - кровопролитную) и установить необходимый порядок и законность. Эта помощь, как он считает, содействовала победе "истинного" буддийского учения, которое полнее всего выражено в вероучении Гелуг-па.

В исторических сочинениях выделяются два стиля изложения событий и "деяний" героев: хроникальный, деловито-сдержанный, оформляющий простое сообщение о случившемся; и летописный, более эмоциональный, "приподнятый", с включением подробных описаний, часто почерпнутых из легенд и преданий.

Большинство биографических произведений XVII в. создавалось на основе реальных фактов жизни и деятельности героев повествования, но, по-прежнему, главный критерий при отборе событий - их буддийская значимость. Биографии, как и раньше, создают нормативные, статичные, предельно идеализированные образы своих героев, вся жизнь и деятельность которых очень тесно связана с буддизмом. Композиция произведений строится чаще всего согласно хронологии жизни и "деяний" героев. Наблюдается такое же, как и в исторических сочинениях, сочетание лаконичного стиля изложения с более эмоциональным (в восхвалениях, благопожеланиях и т.д.).

Объединение Тибета в XVII в. повлекло за собой расцвет официальной переписки и оформление ее литературного стиля. Наиболее яркий представитель делового стиля - 5-й Далай-лама, которому принадлежит множество указов, обращений, директивных посланий и писем к духовным и светским феодальным кругам Тибета, Монголии и Китая. Стиль изложения у него - точен и деловит, но нередко также ярок и образен, насыщен так называемым "языком вежливости",

основное качество которого – употребление почтительных оборотов речи, получивших к тому времени большое распространение.

Таким образом, в XIII в. происходит более четкое разделение стилей письменного литературного языка по традиционным и вновь образующимся жанрам.

М.А.Салахетдинова

ХАФИЗ-И ТАНЫШ И ПОЭТ НАХЛИ

В научной литературе существует мнение о том, что Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари, автор исторического труда "Шараф-намай-и Шахи" (или "Абдулла-наме"), посвященного Шейбаниду Абдулла-хану II (1583–1598) и Нахли, придворный поэт Аштарханида Имамкули-хана (1611–1642) – одно и то же лицо. Это положение, высказанное составителями каталога рукописей АН Узб.ССР (См. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1954, № 1418), позже безоговорочно повторялось многими авторами, писавшими о Хафиз-и Таныше или о поэте Нахли, как установившийся факт. Появились даже специальные работы, посвященные жизни и творчеству Хафиз-и Таныша и Нахли, рассматриваемых как одно лицо (Н. Сайфиев, Нахли и его творчество, автореферат канд. дис., Самарканд, 1963; Б. Ахмедов, Қ. Муниров, Хофиз Таныш Бухорий, Тошкент, 1963).

Известно, что историк Хафиз-и Таныш был и поэтом и, по словам его современника Мир Саййида Мухаммеда, уже в 18 лет имел диван своих стихов (Б. Ахмедов, Қ. Муниров, ук. соч., стр. 55). Этот диван до сих пор не обнаружен. Не исключена возможность, что часть стихов из дивана вошла в сочинение "Шараф-намай-и Шахи", пересыпанное стихотворными вставками, в частности, разного рода стихами самого автора, в числе которых имеются и написанные еще до составления "Шараф-намай-и Шахи". Так например, в это сочинение включена касыда, написанная автором в 1560 г. по случаю восшествия на престол Искандар-хана (отца Абдулла-хана II) и представленная хану. В некоторых своих стихах, вставленных в "Шараф-намай-и Шахи", Хафиз-и Таныш приводит свой псевдоним – Нахли. Примером может служить стих из касыды, в котором